

УДК 39(=511.12)

ОХОТА КОЛЬСКИХ СААМОВ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТИСТИЧЕСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

© 2023 Д.А. Чаплыгина

Мурманский Арктический университет

Статья поступила в редакцию 15.07.2023

В статье рассматриваются вопросы охотничьего промысла кольских саамов во второй половине XVIII века. Автором проанализированы данные статистических ведомостей, которые были собраны в 1764 г. и 1785 г. В них сохранилась информация об устройстве охотничьего хозяйства: объекты охоты, способы лова, а также дальнейшее использование добытой дичи. Кроме того, в статье уделено внимание социальной роли охоты в жизни кольских саамов, ведь она не только приносила доход, но и служила способом сохранения традиций и культуры. Саамы верили, что охота помогает им сохранять духовную связь с природой и защищает их от злых духов. В результате исследования было выявлено, что охота во второй половине XVIII века все еще занимала важное место в повседневной жизни саамов, но уже наметились определенные черты упадка, связанные с уменьшением в лесах основных объектов охоты и появлением оленеводства. Охотой в той или иной степени занимались все, но в основном это были взрослые трудоспособные мужчины. Охотились чаще всего на пушного зверя, так как именно он играл большую роль в торгово-денежных отношениях между саамами и русскими.

Ключевые слова: Архангелогородская губерния, Кольский уезд, саамы, охота, погост, статистические ведомости.

DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-3-18-25

EDN: IERTUE

Сухопутная охота долгое время являлась неотъемлемой частью саамского хозяйства наравне с рыболовством и оленеводством. При этом охоту нельзя отнести только к обычным повседневным занятиям, так как она играла важную роль в мировоззрении саамского общества. И. Шеффер, описывая быт скандинавских саамов в XVII в., отмечал: «С охотой у лопарей связано вообще множество всевозможных предрассудков и примет. Прежде всего, они верят в счастливые и несчастливые дни... Лопари не приступают к охоте, не справившись о воле божества при помощи лопарского барабана... Отправляясь на охоту, они выходят из шалаша не через главную входную дверь, а через маленькую заднюю... чтобы избежать встречи с женщинами»¹. Интересен вопрос о распределении обязанностей между муж-

чиной и женщиной. Действительно ли женщины не допускались у саамов к охоте? Тот же И. Шеффер делает акцент на том факте, что женщинам строго запрещалось не только охотиться, но и «прикасаться к охотничьим принадлежностям или к убитым на охоте животным», а также «входить через заднюю дверь, предназначенную для охотников»². Несомненно, это было связано с определенными представлениями саамов, но здесь видно и вполне бытовое объяснение. До развития пушной охоты саамы охотились в основном на мясного зверя, то есть на лося, медведя и дикого оленя. Подобная охота требовала мужской силы и выносливости. В.К. Алымов так описывал охоту на дикого оленя: «На охоту шли все мужчины. Каждая семья выставляла охотника. Там, где не было взрослого мужчины, на охоту шел мальчик. Но мальчики не ходили на оленя, они где-нибудь в ближней охотничьей из-

Чаплыгина Дарья Александровна, ассистент кафедры истории. E-mail: dariabeattis@mail.ru

бушке приготавливали охотникам обед, запасали дрова и воду, а попутно присматривались, как охотятся взрослые. Из мальчиков выбирался старший, который командовал ими и которого другие мальчики должны были слушаться»³. Т.В. Лукьянченко отмечает, что охотились на стадо диких оленей всем обществом, включая женщин⁴. Терские саамки могли выйти на промысел куропадок, которых они вылавливали «на пропитание»⁵. Но это было скорее исключение из правил, и роль их заключалась в том же, чем занимались мальчики в охотничьем доме: готовили, убрали и ожидали охотников с добычей.

Направление охоты кольских саамов постоянно видоизменялось в силу следующего фактора: развивались меновые отношения с русскими, что приводило к активизации охоты, а в дальнейшем это выразилось в оскудении этого промысла, так как объектов охоты становилось все меньше и меньше. В историографии закреплено мнение, что уже к середине XIX в. охотничий промысел саамов испытывает глубокий кризис, что связано как «с истощением пушных богатств края вследствие хищнических способов охоты, так и с развитием оленеводства как более надежного источника существования»⁶.

Хронологические рамки нашего исследования – вторая половина XVIII в. Этот период мало изучен и практически не учитывается, когда речь идет о развитии хозяйства саамов. Исключением являются работы И.Ф. Ушакова⁷, С.А. Никонова⁸ и М.Г. Кучинского⁹. Наша цель – на основе материалов статистических ведомостей дать характеристику положения охотничьего промысла кольских саамов.

Источники XVI-XVII вв. содержат незначительную информацию об охоте. Материалы писцового дела раскрывают охотничьи занятия саамов через клишированные обороты: «на лесу зверь бьют и птицы ловят». Как исключение выступает конкретизация одного из видов охоты Нотозерского и Сонгельского погостов, заключавшегося в бобро-

вой охоте на реках и ручейках¹⁰. Доходность промысла, возможно, заставила писцов обратить внимание на этот вид охоты.

Уплата саамами в царскую казну шкурок пушных зверей также служит дополнительным источником информации об охоте. Одно из ранних свидетельств встречаем в грамотах Василия III сборщикам лопской дани 1517 г. Даньщик и сопровождавшие его люди (переводчик и слуги) получали в подношение шкурки пушных зверей (белки, куницы, песца, лисы)¹¹. Обычай получать поминок (подношение) от саамов сохранился и в начале XVII в. В челобитной саамов Нотозерского и Сонгельского погостов, поданной царю Василию Шуйскому, сообщалось, что еще во времена Ивана Грозного был установлен размер поминка: по «лисице красной» с погоста. Приезжавшие из Кольского острога даньщики брали поминок выше установленного размера¹².

Саамские погосты в последней четверти XVI-начале XVII в. уплачивали дань такими сортами пушнины, как белка и песец. Дань белкой платил только Муномашский погост, песцом – погосты Вороненский, Кондала, Ловозерский, Норецкий, Понойский. Остальные погосты уплачивали дань деньгами. Дань мехами могла заменяться уплатой денег: белка равнялась 3 ден., а песец – 1 алт. 4 ден.

Обратим внимание на то, что погосты, платившие дань мехами, находились в восточной части полуострова. Возможно, прибыльным делом добыча пушнины была только здесь. Замена пушной дани денежной, безусловно, способствовала уравниванию социального положения саамов с русским населением Кольского уезда, также платившим денежную подать.

Наряду с данью пушнинной с саамских погостов взималась и дань оленьими шкурами (ровдугами и постелями)¹³. По данным писцовой книги 1574-1575 гг., эту дань платили 8 погостов, по материалам книги А.И. Михалкова – 10 погостов¹⁴. Этот вид подати также имел денежный эквивалент – 3 алт. 2 ден. за шкуру.

С 1775 г. к Кольскому уезду был присоединен Терский берег, а Северная Карелия отошла к Кемскому уезду. Территория Кольского уезда тогда совпадала с территорией Кольского полуострова. Это было исконное место жительства 20 саамских погостов¹⁵.

Повторим, что материалы писцового дела не содержат всей полноты данных о хозяйстве саамов, включая охоту. Значительно больше данных содержится в статистических ведомостях, ставших результатом планомерной работы, начавшейся в XVIII в. еще в годы правления Петра I. Особенно этот процесс активизировался во второй половине века, так как в это время в Российской империи произошли серьезные сдвиги в экономической, политической и культурной сферах. С 1764 г. было проведено несколько статистических работ: топографическое описание губерний, генеральное межевание и генеральная опись Малороссии. В этом же году под руководством архангелогородского губернатора Е.А. Головцына были собраны сведения о составе населения и хозяйстве Архангелогородской губернии, в которые вошли также описания дворов и веж поселений Кольского уезда. Все данные были объединены в ведомость¹⁶, оригинал которой хранится в Государственном архиве Архангельской области. Вся информация представлена в табличной форме. Сама таблица состоит из 8 граф. Для нашего исследования наибольший интерес представляют две последние графы, содержащие информацию о том, на кого кольские саамы охотились, какие при этом орудия использовали, а также на что продукты промысла шли дальше (на продажу, на уплату казенных податей, себе на пропитание).

Значимым статистическим описанием Архангелогородской губернии являются ведомости 1785 г., составленные по распоряжению олонецкого и архангелогородского губернатора Т.И. Тутолмина. По Кольскому уезду сохранились описания как поморских волостей, так и саамских погостов¹⁷. Состоит ведомость из подворной

и двух пообщинных бланков. Как считает Н.Н. Гриммер, описания «производились по специальной программе, выработанной специально для Архангельской губернии»¹⁸. Подворные бланки по саамским вежам составлены в форме таблицы, состоящей из 11 граф, и содержат информацию о хозяевах веж, грамотности населения, количестве оленей, промыслах и уплате дани. Особый интерес представляют пообщинные бланки, которые содержат уже не цифровую, а описательную информацию. Это ответы на 53 вопроса, из которых три касаются сухопутной охоты в лесу или в тундре. Вопросы под номерами 22 и 23 – мужские и женские занятия в течение года; 26 – о зверях и птицах, которые водятся в лесах и тундре, а также промышленяют ли они их для продажи.

В историографии принято делить кольских саамов, в зависимости от территории их проживания, на две группы – приморскую¹⁹ и жителей тундры/северной тайги²⁰. К.С. Козакова отмечает, что «в зависимости от местных природных условий и степени вовлеченности отдельных групп саамского населения в товарно-денежные отношения удельный вес различных видов промысла мог сильно варьировать»²¹.

Что можно сказать о такой отрасли хозяйства, как охота, опираясь на материалы ведомостей второй половины XVIII в.? Сухопутной охотой на тундрового и лесного зверя и птицу занимались все погосты Кольского уезда. Охота носила сезонный характер. Чаще всего охотой занимались зимой и осенью, так как весной и летом большая часть мужского населения находилась на рыбном промысле. И лишь в ответах ловозерских саамов видно, что охотой они могли заниматься круглый год, что, возможно, объясняется тем, что на рыбные промыслы выходили не только мужчины, но также «лопки и лопарки»²².

Основным объектом охоты являлся дикий олень, которого кольские саамы промышленяли зимой и особенно осенью, «когда самцы начинают реветь и собирать вокруг себя самок»²³. Судя по данным источников,

на оленя выходили все погосты уезда. Исключением являются Орьезерский и Пяозерский погосты, которые располагались на юге уезда. Причем что касается орьезерских саамов, то ведомость 1764 г. фиксирует оленя в качестве объекта охотничьего промысла, но уже в ведомости 1785 г. мы встречаем существенные расхождения. Так, в подворном бланке указано, что «в тундрах [саамы] промышляют...диких оленей»²⁴, но уже при ответе на вопрос № 26 переписчик записал, что в тундре, в том месте, где могут охотиться саамы, оленей нет²⁵.

В историографии обращалось внимание на особенности оленьей охоты российских и скандинавских саамов. Для поимки животных использовался облавный гон животных и ловчие ямы. В осеннее время охотились на манщика: самка оленя (важенка) использовалась как живец. В ведомости 1764 г. указывается, что оленя били из огнестрельного оружия – винтовок²⁶. С винтовкой, под которой следует понимать кремневую пищаль, саамы ходили и на других животных – медведя и волка, лисицу, куницу, зайца и даже на белку.

Долгое время охота на медведя занимала наравне с промыслом оленя значимое место среди занятий саамов. И. Шеффер подробно описал ее особенности у скандинавских лопарей, делая акценты на ее сакральном характере²⁷. Скорее всего и для кольских саамов убийство медведя было также связано с определенными духовными представлениями. В перечне животных, на которых ведется охота, составители ведомости 1764 г. отмечают медведя. Спустя двадцать лет, когда была составлена новая ведомость, медвежья охота могла прийти в упадок. Так, в ответах фиксируется, что несмотря на то, что медведь живет в лесах, его не всегда промышляют. Основной причиной этого было сокращение популяции медведя, обернувшееся тем, что в некоторых погостах их давно не видали²⁸.

Активно развивалась охота на пушного зверя, которая начиналась осенью и продолжалась всю зиму. Независимо от района

обитания саамы охотились на лисицу, куницу, белку, зайца, реже на горностая, песца. В историографии отмечалось значение для саамов охоты на песца²⁹. С этой оценкой расходятся данные ведомостей, указывающие, что на этого пушного зверя охотились вороненские³⁰ и терские³¹ саамы.

Почти неизвестной была охота на росомаху, которой согласно ведомости 1785 г. занимались саамы Нотозерского погоста³². Истребление песца и росомахи во второй половине XIX в. отмечается Н. Дергачевым. Так, в 1860 г. было добыто 14 росомах и 300 песцов³³. С 1884 г. идет подъем охоты на росомаху: было добыто до 70 животных, а в 1890-е гг. – до 50 в год³⁴.

Во второй половине XVIII в. нотозерские, сонгельские, пазрецкие, вороненские, нявдемские саамы в реках промышляли бобра и выдру, но «по малому числу». Например, если в 1764 г. саамы Сонгельского погоста еще занимались ловлей бобра³⁵, то в 1785 г. они в ответе на вопрос ведомости отмечали, что этот промысел почти отсутствует³⁶. Данные за XIX в. только полностью подтверждают значительный упадок этого промысла.

В литературе можно встретить утверждение об охоте саамов на соболя³⁷. С.В. Кириков считает, что ареал его распространения не был ограничен Северным Уралом и что в XV-XVIII вв. он встречался и на Европейском Севере³⁸. Не совсем ясно, почему исследователь к ареалу распространения этого пушного зверя отнес Кольский полуостров. Возможно, такие сведения были почерпнуты у И. Шеффера. Но даже если они справедливы, то речь в источнике идет о территории Фенноскандии.

Какие использовали средства охоты на пушного зверя? Лисицу, куницу, зайца чаще всего били из винтовки, но некоторые саамы использовали капканы («стальные пружины»), белку ловили с помощью охотничьих собак, а горностая – «удавными петлями»³⁹.

Помимо охоты на животных была известна и добыча птицы, «которая была в ос-

новном деле подростков и стариков»⁴⁰. В ведомости 1764 г. ничего не сообщается об этом виде промысла. Ведомость 1785 г. упоминает добычу куропатки. При этом данный промысел не был известен екоостровским, пязерским и нявдемским саамам. Значение имела также охота на тетерева и глухаря (чухаря). Способы добычи птицы источники не раскрывают.

Добыча пушного промысла шла на продажу в Коле местным жителям и приезжим промышленникам⁴¹, часть – на уплату податей. При этом в графе ведомости 1785 г. «Сколько платят ясачной подати» указывается, что саамы ясачной дани не платят, кроме государственной подушной подати, а двоеданные пазрецкие и печенгские саамы выплачивали налог также и датской короне⁴². Добытая птица и мясо зверя шли на пропитание самих саамов.

Таким образом, сухопутная охота во второй половине XVIII в. все еще остается одной из основных отраслей хозяйства кольских саамов, но уже заметны признаки упадка этого промысла, связанные с постепенным исчезновением пушного зверя, а также с падением промыслового значения дикого оленя из-за развития оленеводства.

Охота была в основном чисто мужским занятием, женщины, подростки и старики могли участвовать лишь в промысле боро-вых птиц, например, куропаток. В приоритете была охота на пушного зверя, так как в рассматриваемый период добыча этого промысла шла на уплату казенной подати и на продажу купцам из Колы и Архангельска.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шеффер И. Лаппония 1673 года // Живая Арктика: историко-краеведческий, эколого-информационный альманах. Апатиты, 2008. № 1. С. 86.

² Там же.

³ Алымов В.К. Лопари. М., 1930. С. 33.

⁴ Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX-XX в. М., 1971. С. 45.

⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 258. Л. 3 об.

⁶ Лукьянченко Т.В. Указ. соч. С. 19.

⁷ Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Историко-краеведческие исследования. Т.1. Кольская земля. Мурманск, 1998.

⁸ Никонов С.А. Морское прибрежное хозяйство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9-10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 327-334; *Его же*. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI-XVIII вв. М.; СПб., 2020.

⁹ Кучинский М.Г. А был ли предприниматель? Кольские саамы в XVI-XVIII вв. // Go Arctic. Режим доступа: <https://goarctic.ru/society/a-bylli-predprinimatel-kolskie-saamy-v-xvi-xviii-vv/> (01.05.2022).

¹⁰ Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. // Харузин Н.Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. Прил. 2. С. 455-457.

¹¹ Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб., 1998. С. 130, 133.

¹² Грамота Бориса Годунова кольскому воеводе об удовлетворении челобитной саами Нотозерского и Соньяльского погостов. 1601 г. апреля 18 // Kansallisarkisto (Государственный архив Финляндии). Rulla RP-44. № 1.

¹³ Ровдуга (ролдуга) – замша, выделенная из оленьей шкуры; постель – шкура оленя, использовавшаяся для спанья.

¹⁴ Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. (СМИКП). Л., 1930. № 5. С. 30; Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. // Харузин Н.Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. Прил. 2. С. 431, 448-450, 452-457.

¹⁵ Бабенский, Вороненский, Кильдинский, Ловозерский, Масельгский, Тоттовский, Нотозерский, Нявдемский, Екоостровский, Оръезерский, Пазрецкий, Печенгский, Пязерский, Семиостровский, Сонгельский, Терской лопи пять погостов.

¹⁶ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217.

¹⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 73-74, 77-80, 88-89, 96, 119, 121-125, 127, 129, 134, 257-258.

¹⁸ Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года (Итоги подвор. переписи).

- Архангельск, 1916. С. 11.
- ¹⁹ Пазрецкий, Печенгский, Мотовский, Кильдинский, Вороненский, Семиостровский, Нявдемский погосты, Терской лопи пять погостов.
- ²⁰ Ловозерский, Масельгский, Бабенский, Екостровский, Нотозерский, Сонгельский, Орзерский, Пяозерский погосты.
- ²¹ Козакова К.С. «Жители окраинной земли»: кольские саамы // Go Arctic. Режим доступа: <https://goarctic.ru/society/zhiteli-okrainnoy-zemli-kolskie-saamy/> (01.05.2022).
- ²² ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 121. Л. 5 об.
- ²³ Алымов В.К. Указ. соч. С. 33.
- ²⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 126. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Л. 4 об.
- ²⁶ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 2, 6, 10, 14, 20, 26, 34, 74, 95, 105, 121, 127, 133, 211, 215, 219, 223.
- ²⁷ Шеффер И. Указ. соч. С. 87-88.
- ²⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 123. Л. 5.
- ²⁹ Алымов В.К. Указ. соч. С. 32; Гамалей В.С. «Не посеешь – не пожнешь» (Культуризация Карело-Мурманского края и его охотничье хозяйство) // Северная охота: ежемес. журн. всех видов охоты и рыболовства. [Л.]. Ноябрь. 1925. С. 19; Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966. С. 8; Крениц Г.М. Путешествие в среднюю Лапландию в марте 1923 года (с 1 картой) // Работы Мурманской биологической станции. Ленинград, 1925. Т. 1. С. 183; Лукьянченко Т.В. Указ. соч. С. 44.
- ³⁰ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 26.
- ³¹ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 74; Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 258. Л. 4.
- ³² ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 124. Л. 2.
- ³³ Дергачев Н. Этнографический очерк // Русская Лапландия: Стат. геогр. и этногр. очерки. Архангельск, 1877. С. 22.
- ³⁴ Лапландия и лапландцы / сост. А.С. Розонов. СПб., 1903. С. 69-70.
- ³⁵ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 121.
- ³⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 134. Л. 2.
- ³⁷ Лукьянченко Т.В. Указ. соч. С. 44; Шеффер И. Указ. соч. С. 87.
- ³⁸ Кириков С.В. Указ. соч. М., 1966. С. 295.
- ³⁹ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 2, 6, 10, 14, 20, 26, 34, 74, 95, 105, 121, 127, 133, 211, 215, 219, 223.
- ⁴⁰ Лукьянченко Т.В. Указ. соч. С. 49.
- ⁴¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 121. Л. 2; Д. 122. Л. 2; Д. 74. Л. 2; Д. 80. Л. 2; Д. 124. Л. 2-3; Д. 134. Л. 2-3; Д. 126. Л. 8; Д. 127. Л. 2-3; Д. 129. Л. 9; Д. 123. Л. 2; Д. 119. Л. 2; Д. 77. Л. 2; Д. 125. Л. 2; Д. 257. Л. 2-3.
- ⁴² ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127. Л. 2-3; Д. 129. Л. 9.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алымов В.К. Лопари. М., 1930.
2. Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года (Итоги подвор. переписи). Архангельск, 1916.
3. Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб., 1998. С. 125-135.
4. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Канцелярия Архангельского губернатора. Оп. 2. Т. 1; Ф. 51. Архангельская казенная палата. Оп. 4. Т. 1.
5. Гамалей В.С. «Не посеешь – не пожнешь» (Культуризация Карело-Мурманского края и его охотничье хозяйство) // Северная охота: ежемес. журн. всех видов охоты и рыболовства. [Л.]. Ноябрь. 1925. С. 19-24.
6. Дергачев Н. Этнографический очерк // Русская Лапландия: Стат. геогр. и этногр. очерки. Архангельск, 1877.
7. Kansallisarkisto (Государственный архив Финляндии). Rulla RP-44. № 1.
8. Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966.
9. Козакова К.С. «Жители окраинной земли»: кольские саамы // Go Arctic. Режим доступа: <https://goarctic.ru/society/zhiteli-okrainnoy-zemli-kolskie-saamy/> (01.05.2022).
10. Крениц Г.М. Путешествие в среднюю Лапландию в марте 1923 года (с 1 картой) // Работы Мурманской биологической станции. Ленинград, 1925. Т. 1. С. 162-186.
11. Кучинский М.Г. А был ли предприниматель? Кольские саамы в XVI-XVIII вв. // Go Arctic. Режим доступа: <https://goarctic.ru/society/a-byll-li-predprinimatel-kolskie-saamy-v-xvi-xviii-vv/> (01.05.2022).
12. Лапландия и лапландцы / сост. А.С. Розонов. СПб., 1903.
13. Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX-XX в. М., 1971.
14. Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колони-

- зация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI-XVIII вв. М.; СПб., 2020.
15. Никонов С.А. Морское прибрежное хозяйство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9-10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 327-334.
 16. Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. (СМИКП). Л., 1930. № 5.
 17. Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Историко-краеведческие исследования. Т. 1. Кольская земля. Мурманск, 1998.
 18. Харузин Н.Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890.
 19. Шеффер И. Лаппония 1673 года // Живая Арктика: историко-краеведческий, эколого-информационный альманах. Апатиты, 2008. № 1.

REFERENCES

1. Alymov V.K. Lopari. М., 1930.
2. Arhangel'skaja gubernija po statisticheskomu opisaniju 1785 goda (Itogi podvor. perepisi). Arhangel'sk, 1916.
3. Dergachev N. Jetnograficheskij ocherk // Russkaja Laplandija: Stat. geogr. i jetnogr. ocherki. Arhangel'sk, 1877.
4. Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (dalee – GAAO). F. 1. Kanceljarija Arhangel'skogo gubernatora. Op. 2. T. 1; F. 51. Arhangel'skaja kazennaja palata. Op. 4. T. 1.
5. Gamalej Vs. «Ne poseesh' – ne pozhnesh'» (Kul'turizacija Karelo-Murmanskogo kraja i ego ohotnich'e hozjajstvo) // Severnaja ohota: ezchemes. zhurn. vseh vidov ohoty i rybolovstva. [L.]. Nojabr'. 1925. S. 19-24.
6. Haruzin N.N. Russkie lopari. (Oчерки proshlogo i sovremennogo byta). М., 1890.
7. Kansallisarkisto (Gosudarstvennyj arhiv Finljandii). Rulla RP-44. № 1.
8. Kirikov S.V. Promyslovye zhivotnye, prirodnaia sreda i chelovek. М., 1966.
9. Kozakova K.S. «Zhiteli okrainnoj zemli»: kol'skie saamy // Go Arctic. Rezhim dostupa: <https://goarctic.ru/society/zhiteli-okrainnoy-zemli-kolskie-saamy/> (01.05.2022).
10. Kreps G.M. Puteshestvie v srednjuju Laplandiju v marte 1923 goda (s 1 kartoj) // Raboty Murmanskoi biologicheskoi stancii. Leningrad, 1925. T. 1. S. 162-186.
11. Kuchinskij M.G. A byl li predprinimatel'? Kol'skie saamy v XVI-XVIII vv. // Go Arctic. Rezhim dostupa: <https://goarctic.ru/society/a-byl-li-predprinimatel-kolskie-saamy-v-xvi-xviii-vv/> (01.05.2022).
12. Laplandija i laplandcy / sost. A. S. Rozonov. SPb., 1903.
13. Luk'janchenko T.V. Material'naja kul'tura saamov Kol'skogo poluostrova konca XIX-XX v. М., 1971.
14. Nikonov S.A. «Kto v more ne hodil, tot Bogu ne malivalsja»: Promyslovaja kolonizacija Murmanskogo berega i Novoj Zemli krest'janami i monastyrjami Pomor'ja v XVI-XVIII vv. М.; SPb., 2020.
15. Nikonov S.A. Morskoe pribrezhnoe hozjajstvo saamov Kol'skogo uezda vo vtoroj polovine XVIII v. // Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Vypusk 5: Pjatye chtenija pamjati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 9-10 nojabrja 2017 g. М., 2017. S. 327-334.
16. Sbornik materialov po istorii Kol'skogo poluostrova v XVI-XVII vv. (СМИКП). Л., 1930. № 5.
17. Sheffer I. Lapponija 1673 goda // Zhivaja Arktika: istoriko-kraevedcheskij, jekologo-informacionnyj al'manah. Apatity, 2008. № 1.
18. Ushakov I.F. Izbrannye proizvedenija istoriko-kraevedcheskie issledovanija. T. 1. Kol'skaja zemlja. Murmansk, 1998.
19. Vozgrin V.E., Shaskol'skij I.P., Shradler T.A. Gramoty velikogo knjazja Vasilija III sborshhikam dani v lopskoj zemle // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. T. XXVI. SPb., 1998. S. 125-135.Ы

**HUNTING OF THE KOLA SAMI BASED ON THE MATERIALS
OF STATISTICAL REPORTS FROM THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY**

© 2023 D.A. Chaplygina

Murmansk Arctic University

The article is devoted to the issues of hunting of the Kola Sami in the second half of the XVIII century. The author analyzes data from statistical statements that were collected in 1764 and in 1785. They preserved information about the structure of the hunting economy: hunting objects, fishing methods, as well as the further use of the game. In addition, the author pays attention to the social role of hunting in the life of the Kola Sami, because it not only generated income, but also served as a way to preserve traditions and culture. The Sami believed that hunting helped them maintain their spiritual connection with nature and protected them from evil spirits. The study revealed that hunting in the second half of the XVIII century still occupied an important place in the daily life of the Sami, but there were already certain signs of decline associated with a decrease in the main objects of hunting in forests and the emergence of reindeer husbandry. Everyone was engaged in hunting to one degree or another, but mostly they were adult, able-bodied men. Fur-bearing animals were most often hunted, since they played a large role in monetary trade relations between the Sami and the Russians.

Keywords: Arkhangelsk province, Kola uezd, Sami, hunting, pogost, statistical reports

DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-3-18-25

EDN: IEPTUE